
Иуда

[Светлана ЗАМЛЕЛОВА](#) - 13 апреля 2017

Body

I

Двадцать тысяч лун сменилось, а душа моя скорбит смертельно, и нет мне покоя ни на мгновенье. Имя моё леденит уста говорящего и колет ухо слышащего, образ мой гаже осьминога, едче скорпиона. Проклят я от Бога и среди людей, но не одинок я в мерзости своей...

Не был я дурным человеком. Отец мой держал торговлю чёрной шерстью, и я помогал ему в лавке. Жили мы в Кериоте, к югу от Хеврона, среди каменистой пустыни Иудейской, где окрестные пастухи пасут чёрных коз и овец своих. Жили мы на Авраамовой улице, в доме, сложенном из серых камней и увитом лозой виноградной. Росой умывались опаловые ягоды, и солнце перебирало их лучами своими. Лет же мне было около тридцати. Собирался я жениться и купить белого осла, на которого в кипарисовом ковчежце были отложены у меня сто пятьдесят динариев.

Был я как все и мечтал, чтобы в лавке моей звенели тетрадрахмы, и детишки мои играли подле меня, и отец спокойно доживал дни свои. Чтобы белый осёл кричал у ворот моих, а Есфирь ночами обжигала меня ласками.

И как все иудеи ждал я Мессию. Сколько думал я о Мессии! В час полуночный, не смыкая век, представлял я, как встанет он на берегу морском, и по слову его принесёт море жемчуг и все сокровища свои и положит у ног его. И оденет он народ свой в багряницу и голову каждого украсит кидаром (1). И вкусит народ иудейский манну небесную слаще той, что ели отцы наши в пустыне. Дома же у нас любили повторять: «Разве не должен Мессия прийти вскоре? Разве не обещал Бог народу своему?.. То-то настанет время!.. Не нужно будет возиться с вонючей шерстью – все народы Земли будут служить евреям!» «Когда же это будет?», – спрашивал я у отца. «Разве мы замечаем, – отвечал отец, – как ночь сменяется утром, зима – весной? Не заметим, как новое царство сменит старое... Век наш не прейдёт, как всё сие будет...»

Приближался же праздник приношения дров, когда со всей страны приносили в Иерусалим дрова для жертвенника. И вот, отец мой сказал мне: «Пойди, посмотри – одни говорят: “Великий пророк восстал между нами...”, другие говорят: “Мессия!..” Разве могут в Иерусалиме не заметить Мессии?..» И я оставил всё и пошёл.

Войдя же в Иерусалим сквозь Ессейские ворота, направился я к храму, золотой купол которого, похожий на перевернутую кверху дном лодку, возвышался над городом и слепил всякого, кто поднимал глаза свои на него. И на дворе иудеев стал искать я место в крытой галерее, где бы спрятаться от солнца. Но не сразу нашёл себе место, ибо множество народу со всей Иудеи и Галилеи собралось в храме. Тут и там сидели раввины со свитками Закона, и вокруг них собирались ученики и любопытные. Многие же из них спорили, и я спросил у человека в полосатом кетонете (2):

– О чём это они спорят?

И он отвечал мне:

– Неужели ты, придя в Иерусалим, не знаешь о происшедшем?

Я же спросил:

– О чём?

Он сказал мне в ответ:

– Что было с расслабленным из Дома милосердия, который тридцать восемь лет ждал исцеления, и некому было опустить его в купальню, а Галилейский пророк исцелил его Своим Словом? Но было это в субботу, и начальники наши искали убить Его за то, что такие дела делает в субботу... Да вот, пойдя, посмотри сам!

Собралась же в притворе Соломоновом толпа народа, и многие из них кричали, и спор поднялся великий. Я же, подойдя, спросил:

– О чём это кричат между собою?

И сразу несколько человек отвечали мне из толпы:

– Или ты не слышал о Галилейском пророке, исцелявшем в субботу, когда Закон наш не велит надевать в субботу башмаки, подкованные гвоздями? Фарисеи же искали убить Его за то, что нарушает субботу и Отцом Своим называет Бога, делая себя...

Но я уже не слушал их.

– Истинно, истинно говорю вам, – раздался голос чистый как весенний дождь, спокойный как воды Иордана, – ...дела, Мною творимые, свидетельствуют о Мне...

И, протиснувшись сквозь толпу, я увидел Его.

Одетый в белый хитон, был Он высок и немного сутуловат. В глазах Его – тёмных, как плоды каштана, мягких, как самое тонкое верблюжье покрывало – не было и тени лукавства, грустно смотрел Он вокруг себя, точно сожалея о всех. Не было в Нём ни суетной заботы, ни грубой чувственности, ни горделивой отстранённости. Не было ни страха, ни злобы. И глядя на Него, я прошептал: «Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев...»

III

Ни дом наш, увитый лозою, ни тонкое, как волос, переносье Есфири, ни ночь, затаившаяся в глазах её – ничто не могло вырвать у души моей восторга такой силы, как слова Его. Сердце моё размягчалось, как кусок высушенной кожи, брошенный в воду. Позабыв отца, Есфирь и сто пятьдесят динариев, отложенные в кипарисовом ковчежце, я пошёл за Ним. И вместе с другими ходил под палящими лучами полудня и спал под тихим мерцанием звёзд.

Пришли же к озеру Геннисаретскому, и народ во множестве стал теснить Его. Взошёл Он в лодку и начал говорить к ним. День клонился к вечеру, и солнце, похожее на спелую ягоду, за спиной Его скользило в воду. Казалось, от тела Его исходит сияние, и нельзя было не любоваться Им. Голос Его ласкал слух, и слова бальзамом капали на сердце. Когда наступила ночь, взошёл Он на гору Карн-Хоттин для молитвы, а утром, обратившись к ожидавшим Его, сказал, что надлежит Ему избрать двенадцать учеников. И, встречаясь в толпе глазами, стал подзывать к себе. Когда же одиннадцать были рядом с Ним, обратился ко мне. И так, встали вокруг Него: Симон-Пётр из Вифсаиды и брат его Андрей; Иаков и Иоанн, сыны Зеведея; мытарь из Капернаума Левий; Нафанаил, сын Толомея из Каны; Филипп из Вифсаиды; Симон, бывший прежде золотом; Фома, прозванный «Близнец»; Иуда Фаддей; Иаков Алфеев и я – Иуда, сын Симона из Кериота, что в нагорной стране Иудейской.

Не был я дурным человеком. Пётр был хвастлив, гневлив Иоанн, а равно и Иаков. Алчен Матфей, безрассуден, как все zeloty, Симон, подозрителен Фома – не здоровые имели нужду во враче! Я же хотел иметь глаголы вечной жизни, но в Кериоте оставалась лавка, и отец ждал меня, и в кипарисовом ковчежце были отложены сто пятьдесят динариев. Вспоминал я невесту и белого осла, а в ушах моих звучали слова: «...Я пришёл разделить человека с отцом его...», «...Не собирайте сокровищ на земле...», «...Враги человеку домашние его...» А у невесты моей Есфири волосы чернее неба над полуночным Иерусалимом, глаза ярче звёзд, кожа белее мрамора храма... И вот, первые сомнения лизнули ум мой шершавыми языками. Благословляет Бог именем, потомством и долголетием – так верили отцы наши. Он же учил противному. Слепые прозревали, мёртвые воскресали, прокажённые очищались – но что проку от этих чудес? Мессия ли Он, а не месит (3), поражающий воображение простаков?

IV

Созвал Он Двенадцать и сказал: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков... Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное. Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте...» И пошли по двое, я же пошёл с Иоанном. Проходя по селениям, благовествовали и исцеляли. Но стал как бы голос говорить со мной. И я слушал его и полюбил слушать его. «Вот, ты ходишь за Ним и видел селения и города. Он дал тебе дары – ты исцеляешь болезни, и духи нечистые повинуются слову твоему. Но дома опаловый виноград тяготит лозу, и Есфирь одна томится ночами... Долго ли будешь ты ходить из города в город? И готов ли за дары Его забыть себя? Да и много ли ты получил от Него – хлеба ли, чтобы не алкать, воды ли живой, чтобы не жаждать вовек?.. Но сможешь ли теперь ты просто уйти? Что если сделают Его царём Иудейским? Не станешь ли ты, досадуя, рвать на себе волосы и кататься по земле, кусая в бессильной злобе придорожные камни?..»

И, проходя по Иудее, пришли в Иерусалим. И вот, бродил я в Нижнем городе по торговым улицам, разглядывал ковры и ткани, глиняные горшки и золотые украшения. В лавке у сирийца увидел я женское покрывало, сотканное из гиацинта, шарлаха и пурпура – нежное, как утренняя заря, тонкое, как лепестки цветов. И захотелось мне украсить голову невесты гиацинтовым покрывалом. Имел я при себе денежный ящик, куда

проходящие опускали монеты. И, не раздумывая, достал сто динариев, как просил сириец. Он же со словами льстивыми передал мне покрывало. Ликуя, собирался я уходить, как вдруг услышал за спиной у себя:

– Зачем ты купил женское покрывало, Иуда? Разве среди Двенадцати есть женщины? – справа позади от меня стоял Иоанн. – Или ты хочешь сделать подарок какой-нибудь блуднице?

Дерзкий! Так говорил он со мной – мальчишка, галилеянин, ам-хаарец! (4)

– Нет, Иоанн, – отвечал я спокойно, – покрывало купил я своей невесте.

– Разве твоя невеста ходит с нами, что ты покупаешь ей подарки на наши деньги? А, может, ты из нас кого-нибудь считаешь своей невестой? – так он смеялся надо мной.

Лавочник-сириец с безразличием разглядывал нас. Со стороны Судных ворот слышались крики ослов и окрики погонщиков. Громко, о неточной сдаче, переругивались где-то торговец с покупщиком. И проклятия, которыми они осыпали друг друга, были слышны далеко. Женское стрекотанье, смех мальчишек, улюлюканье зазывал – шум торгового города окружал нас.

– Разве я житель Содома, Иоанн? – отвечал я и пошёл прочь от лавки сирийца.

– Не знаю... – в спину мне бросил Иоанн.

V

Вернулся я один в Галилею. Собрались вокруг Него Двенадцать, и сказал им, чтобы отдохнули немного. Поплыли все вместе через озеро Геннисаретское к Вифсаиде Юлииной, к югу от которой лежала равнина Эл-Батиха – место уединённое и необитаемое. Но, приплыв, увидели, что множество народа, пришедшего из Капернаума, ожидает лодку у берега. И были они как овцы заблудшие, потому что хотели слышать, чему Он учит. И начал Он говорить с ними. Когда же наступил вечер, спросил у Филиппа, указывая на толпившийся народ:

– Филипп, где нам купить хлебов, чтобы их накормить?

Отвечал Филипп, говоря:

– Им и на двести динариев не довольно будет хлеба...

Я же молчал, потому что ящик мой был пуст после покупки гиацинтового покрывала. Знал о том Иоанн, но и он молчал. Подошёл Андрей и сказал:

– Здесь есть у одного мальчика пять хлебов и две рыбки. Но что это для такого множества?

Тогда Он велел народу возлечь на зелёной траве, и долина, как цветами, покрылась яркими пятнами одежд. И, благословив хлебы и рыбок, стал раздавать возлегшим. И, сколько их было, все насытились.

Никогда ещё человек не сотворил такого чуда! И, глядя на умножение хлебов, я думал с восторгом: «Равви! Ты – Сын Божий!.. Ты – Царь Израилев!..» И все, кто был там, восклицали: «Это истинно тот пророк, который должен прийти в мир!» Потому что никто до Него не мог обратить камни в хлебы и насытить ими человечество, обречённое

добывать хлеб свой в поте лица своего.

Подошли из толпы к Симону Зелоту и сказали:

– Отчего бы не сделать Его царём над Израилем?

Потому что помнили ещё о борьбе Иуды Гавлонита, тоже бывшего зелотом и не раз поднимавшего восстание. А галилеяне ни на что так охотно не подвигались, как на устройство мятежа.

Опасаясь, созвал Он Двенадцать и сказал, чтобы плыли в Капернаум. Когда же вошли в лодку, спросил я:

– Где Равви?

Пётр же отвечал, что удалился Он на гору для молитвы. И поплыли без Него. Когда были на середине озера, подул с запада ветер, и поднялась буря, так что волны швыряли лодку как иверень. Пётр и Иаков сидели на вёслах, но лодка не слушалась вёсел их. Вдруг выступил Он из мрака ночного и марева брызг белым силуэтом, и я в страхе упал на дно лодки и кричал. И Фома следом возопил:

– Это призрак!

Но Он сказал:

– Не бойтесь...

Пётр, бросив весло, протянул к Нему руки и взмолился:

– Господи, если это Ты, повели мне прийти к Тебе!

Он же сказал:

– Иди!

Пётр перешагнул через борт, и все засвидетельствовали, что и он пошёл по воде, как по тверди. И в страхе все дивились. Пётр же, дойдя до середины, остановился и оглянулся на лодку. И вода тотчас расступилась под ним и – коварная! – накрыла волной, как воскрылием таллифа (5). Пётр вскричал:

– Господи, спаси меня!

Он сказал грустно:

– ...Зачем ты усомнился?

И едва протянул Петру руку, как сомкнулись воды, и Пётр снова пошёл по воде, как по тверди.

Вошли они в лодку. Пётр же дрожал и, переступив через борт, воскликнул:

– Равви! Истинно Ты Сын Божий!

И все мы пали перед Ним в страхе и смятении. Ветер к тому времени утих, и вода сделалась спокойной.

VI

Приплыли в Капернаум. И вот, многие из тех, кого Он накормил пятью хлебами в долине Эл-Батиха, пришли в Капернаум наутро. И, не оставляя мысли сделать Его царём, стали искать Его. Найдя же в синагоге, приступили к Нему, говоря:

– Равви, как Ты сюда пришёл? – потому что не видели, как ступал Он по воде.

Но Он, опечалившись сильно, сказал:

– Вы ищите Меня., потому что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной...

Я же дивился Его печали.

Они спросили:

– Что нам делать, чтобы творить дела Божии?

– Вот дело Божие: чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал, – так отвечал Он им.

Они же поняли, что говорит Он о себе и стали искушать Его, говоря:

– Отцы наши верили Моисею, потому что он дал им манну. А Ты что делаешь?

Он сказал им:

– ...Я хлеб живой, сшедший с небес... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь.

А я воскликнул невольно:

– Какие странные слова! Кто может это слушать?..

И многие тогда, даже из тех, кто ходил с Ним до сего дня, отошли от Него. И многие смеялись над Ним, говоря: «Безумный Равви! Разве может такой покорить мир евреям?» Он же спросил у Двенадцати:

– Не хотите ли и вы отойти?..

Но я не ушёл от Него тогда. Если бы я только разочаровался, я бы ушёл, как это сделали другие. Я вернулся бы в Кериот, и с молодой женой забыл бы вскоре о чудном проповеднике из Назарета, умевшем исцелять болезни и творить дивные дела. Но я не мог уйти, потому что сомнения разрывали меня. И я хотел видеть развязку – величественную и неизбежную. Я не мог уйти, потому что, слушая долго Слово Его, я уже не был свободен от Него. Я не мог уйти, потому что для малодушного легче украсть, нежели просить, легче убить, нежели распрощаться.

Но я не мог с Ним остаться, потому что не мог быть как Он. И всё, чего Он хотел от меня, было прекрасно, но неисполнимо. И в Кериоте оставалась лавка, и невеста Есфирь ждала меня, и деньги были отложены на белого осла. И всё, от чего Он звал отречься, было драгоценно для меня и вожделенно мною. И Слово Его, падающее в мою душу, заглушалось вскоре терниями.

Полюбил я смотреть на Него украдкой. И два чувства, как бывает порой, когда смотришь на прекрасный цветок, боролись во мне: упоение красотой и желание втоптать в землю.

Но Он поднимал на меня глаза и, казалось мне, ничего не видел, кроме меня. Точно не было вокруг ни шумной толпы, ни серых камней Иудеи, ни пёстрых галилейских лугов. А только Он и я, только печаль в Его глазах и ненависть в моих. Но моя ненависть тонула в Его печали, я опускал глаза и снова слышал голоса толпы, чувствовал запахи пыли и кожи, и снова солнце пекло мне шею.

И стал я думать о том, чтобы Он исчез, как будто не существовал никогда, и никто не слышал голоса Его! Если бы только не осталось следов Его на пыльных стезях Иудеи, и Слово Его перестало звучать над рощами Галилеи! Если бы сорвался Он с горы на острые камни, или ехидна обвила бы руку Его и пронзила кожу ядовитым зубом. Или скорпион, устроившийся ночью в Его сандалиии и запутавшийся в ремешках, укусил бы наутро ногу, опустившуюся на обычное место. Тогда бы я стал свободен!..

Так я хотел обмануть себя.

VII

Пришли в Заиорданье. И много учил Он притчами. Когда выходили в путь из Ефраима, подбежал к Нему, запыхавшись, юноша. Был он богат и начальствовал над местной синагогой, а потому все знали его. Подбежав и пав на колени, спросил:

– ...Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?..

Он же отвечал, говоря:

– ...Пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною.

Смутившись словами Его, юноша, опечаленный, отошёл прочь.

Он же сказал:

– Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.

И все, кто слышал эти слова, изумились, потому что «Игольными ушами» называли в Иерусалиме узкие лазы в городской стене, сквозь которые, когда закрывались на ночь ворота, проходили запоздалые путники.

И я воскликнул невольно:

– Кто же может спастись?!

Он же, глядя на меня, сказал:

– ...Кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную.

И я отошёл. И с того дня знал я наверняка, что мне не быть с Ним вместе. Потому что с того самого дня я не мог выносить Его, как глаза живущего во тьме не могут выносить солнечного света.

И когда все спали, я не спал и смотрел на звёзды. Звёзды дрожали, и сердце моё дрожало как звезда. А днём, когда все сидели вокруг Него и слушали Слово Его, сиделся я поодаль, скрестив ноги. И, набрав полную пригоршню мелких камешков, бросал их по

одному, взрывая придорожную пыль.

VIII

Когда были в Вифании Перейской, пришёл некто Иосиф в пропылённом кетонете и объявил, что Лазарь, брат Марфы и Марии, тяжело болен. Но Он сказал:

– Не бойтесь, эта болезнь не к смерти, но к славе Божией.

И были ещё два дня в Вифании Перейской, и Иосиф был с нами. Дул с юга ветер и гонял по дорогам Переи пыль, взвихривая и закручивая винтами. На третий день ветер стих, и Он сказал, что пойдёт в Вифанию, где жили Лазарь, Мария и Марфа. Стал Пётр просить Его, говоря:

– Равви! Давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идёшь туда?

Сказал же так, потому что зимой, когда были в Иерусалиме на празднике Обновления, иудеи искали схватить Его и побить камнями за то, что Он, будучи человек, делал себя Богом.

Отвечал Он Петру:

– ...Кто ходит днём, тот не спотыкается... Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему.

Тогда Фома сказал:

– Пойдём и мы умрём с Ним.

И пошли в Вифанию, где жили Лазарь, Мария и Марфа. Я же пошёл в Кериот повидать отца моего. Едва вступил я на гладкие каменные плиты нашего двора, как радостная, обнимающая небо пальма махнула мне веткой, и печальный кипарис, похожий на старика, закрывающего лицо руками, кивнул мне, и магнолия рассмеялась навстречу ароматной струей, и отец, вышед из дома, пал на грудь мою.

Заколот отец для меня ягнёнка, и возлегли с ним обедать. Смешав тёмное вино с водой, произнёс он благословение. После разрезал хлеб и, обмакнув в соль, подал мне кусок. Когда же окончили трапезу, отец, собирая оставшиеся крошки, спросил меня:

– Что же Мессия?..

Но я молчал и не знал, что отвечать ему. Тогда, вздохнув, отец сказал:

– Надлежит Мессии прийти из Вифлеема, из Галилеи даже пророк не может прийти... Но, видно, мёд или патоку виноградную источают уста Галилеянина, если ты, скитаясь за Ним, и нужды не имеешь, что невеста твоя стала женой Симона – сына булочника с Хевронской улицы?..

Душа моя вышла из меня, когда отец говорил!.. Где ты, Есфирь возлюбленная, где ты, сладчайшая! Но не отзывалась Есфирь, и ревность как меч раскалённый рассекла и опалила моё сердце. Не быть мне с возлюбленной моей, не вдыхать аромата волос её, мягких как руно, тёмных как летняя ночь. Не украсить голову её гиацинтовым покрывалом, плеч не целовать и груди не сжимать в ладонях.

Пошёл я из города и скитался в горах, где пастухи пасут чёрных коз и овец своих. Лишь

наутро возвратился я к отцу моему.

IX

Был месяц нисан, и близилось полнолуние, когда иудеи обыкновенно празднуют Пасху. Отправился я в Иерусалим, чтобы провести там дни очищения. И отец мой, заперев лавку, пошёл со мной, потому что собирался продать в храме двух ягнят. Пройдя сквозь Овечьи ворота, где прогоняли раньше овец для омовения перед жертвоприношением, отец мой повернул к храму, я же спустился в Нижний город. Придя в харчевню, купил жареной саранчи, миску супа и сладкого вина галилейского. И когда ел, услышал, что говорят вокруг о Лазаре из Вифании, и спросил у человека за соседним столом, пившего в одиночестве идумейский уксус:

– Друг, что это говорят они о Лазаре?

На что отвечал он:

– Разве ты не знаешь о Лазаре воскресшем? Четыре дня был он в гробу, в Вифании, но Галилейский пророк воскресил его Своим словом. Теперь полнится Иерусалим слухами. Одни говорят, что Он истинно пророк и добрый. Другие – что Он силой бесовской творит чудеса и народ вводит в заблуждение. Первосвященники же положили взять и убить Его...

Вздрогнул я на этих словах и снова спросил:

– Разве сделал Он что-нибудь достойное смерти?..

– Нет... Ничего не нарушил Он из Закона нашего...

Пошёл я в Вифанию на гору Елеонскую, чтобы самому видеть Лазаря воскресшего. Встретили меня Марфа и Мария, и брат их Лазарь. От них я услышал, как прозвучали громом слова «Гряди вон!», и вышел Лазарь из гроба, пеленами повитый. И снова, не сдержав слёз, думал я: «Равви! Ты – Сын Божий, Ты – Царь Израилев...»

И остался ждать Его и учеников в Вифании, потому что все они снова отбыли в Еффраим. Оставалась неделя до Пасхи, когда вернулись они из Переи и с великими почестями вошли в Иерусалим. Когда же на другой день пришли в храм, то на дворе язычников, где был большой рынок жертвенных животных, и меновщики меняли любые чужеземные деньги на монеты храма, увидел я отца моего. Жалкий старик с двумя чёрными ягнятами по пяти динариев каждый!

Но услышал я шум и, обернувшись, увидел, что опрокинул Он столы меновщиков и столы продающих голубей. И, рассыпав деньги, сделал бич из верёвок и стал гнать животных со двора храма. При этом так говорил о храме:

– ...Вы сделали его вертепом разбойников!..

Но когда щёлкнул бич и упал на спины животных, а с опрокинутых столов посыпались со звоном и покатались по мраморному полу монеты, сделалось во дворе храма столпотворение. Меновщики и гуртовщики кричали, и каждый пытался спасти своё имение. И увидел я, что отца моего оттеснили в сторону, а чёрных ягнят обезумевшие животные повлекли к вратам храма.

Отец мой стал метаться, потеряв своих ягнят. И увидел я слёзы в желобах морщин его. Я же малодушно отвернулся и пошёл туда, где слепые и хромые обступили уже Его, ища

исцеления. И Он исцелял их.

С того дня не видел я отца моего.

Х

На другой день снова пошли в Вифанию. Взойдя же на гору Елеонскую, стал Он скорбеть об Иерусалиме, говоря:

– ...Не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено...

И ещё много пророчествовал. Я же дивился: может ли Мессия хотеть гибели города Давидова? И, отойдя от Него, подошёл к обрыву и стал смотреть, как мелкие камешки летели вниз из-под моей сандалии. И, отскакивая от склона горы, ударялись о стволы деревьев и терялись в траве.

Подошёл Иоанн сзади и тихо спросил:

– Не хочешь ли ты прыгнуть, Иуда?

Я же ничего не отвечал ему.

На другой день собрались в Вифании в доме у Симона, которого исцелил Он от проказы. Пришла же Мария, сестра Лазаря воскрешённого, и принесла алавастровый сосуд. И как никто не обратил на неё внимания, встала у Него за спиной, а сосуд держала в руках. Опустившись на колени, разбила шейку сосуда, чтобы никому больше не смог послужить он. И комната прокажённого наполнилась благоуханием, потому что в сосуде принесла Мария нардовое миро – чистое, драгоценное. И все, кто был в комнате, повернулись к Марии. Но она, как бы не видя никого, возлила масло на голову Ему. Точно душу свою простёрла перед Ним и сердце своё бросила к ногам Его. Все же молчали, негодуя на Марию за то, что не хранила в себе своих чувств, и что никто не имел столько любви к Нему. Я же засмеялся громко и сказал:

– Миро нардовое ценится на вес золота, такой сосуд стоит динариев... триста! Можно было бы продать его и раздать деньги нищим.

И некоторые согласились со мной и стали роптать, говоря:

– К чему такие траты?..

Иоанн же, подойдя ко мне, шепнул:

– Вор...

Но Он возразил всем, сказав:

– Оставьте её; она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а меня не всегда...

Но я уже вышел из комнаты, потому что прав был Иоанн: думал я не о нищих, а о том, что триста динариев – это два белых осла. Была же ночь, и темнота разлившаяся укрыла меня. Выйдя из Вифании, расстелил я на земле симлу (б) и, улегшись, стал смотреть, по обыкновению своему, на звёзды. Как вдруг одна звезда сорвалась с неба и покатилась вниз. И тотчас вздохнул филин, расхохоталась гиена, и где-то в селении осёл крикнул трижды. Поднялся я и побежал с горы Елеонской к Иерусалиму. По временам закрывал я

глаза и, казалось мне, что лечу в пропасть. И ящик с деньгами, который носил я, подпрыгивал на бегу, и монеты в нём со звоном подпрыгивали, и звон их подгонял меня, точно удары кимвала.

Вбежал я во двор язычников, куда ворота были открыты до третьей стражи. Обратился к левитам, в чьём попечении были все здания храма, и попросил доложить обо мне первосвященнику, сказав, что знаю я нечто об Иисусе Назарянине. Первосвященником же на тот год был Иосиф, называемый Каиафой. Был он саддукеем. А саддукеи, не веря в воскресение по смерти, верили, что земными благами воздаёт Господь за праведность.

Была ночь, и велели мне ждать во дворе язычников, где третьего дня растерял отец мой ягнят. И в ожидании стал я читать надпись на греческом языке, что висела на решетчатой ограде, разделявшей двор язычников и двор иудеев. Надпись же гласила: «Никому из инородцев не позволено входить за ограду святилища храма. Кто будет схвачен, сам будет виновен в последующей за этим смерти».

Вернулся слуга и повёл меня в прихоромок, где жили начальники храма. Вышел ко мне Каиафа, следом за ним – тесть его Анна и ещё несколько священников и начальников храма. И страх объял меня, и вместе с ним другое чувство – будто совершаемое мною безгранично.

– Мир тебе, первосвященник, – поклонился я до земли Каиафе, как отец наш Авраам поклонился странникам у дуба Мамврийского.

– Кто ты такой? – спросил он, утирая руки холщёвым полотенцем, языком же высвобождая осколок зелёного лука, оставшийся в зубах.

Поднял я глаза на него, облизнул иссохшие губы и спросил:

– Что вы дадите мне, если я укажу вам время, когда Иисус Назарянин, Которого вы ищите, будет один, и вы сможете взять Его?

Сказал же так не потому, что хотел награду, но потому, что знал: не смогу объяснить первосвященникам, зачем я здесь. Потому и сказал: «Что вы дадите мне». Они же хотели взять Его тайно, потому что боялись, что восстанет за Него народ. И торопились отдать Его римской власти – все знали жестокость и неприязнь к евреям Пилата, пятого прокуратора Иудеи, сменившего Валерия Грата, и не раз уже усмирявшего народ мечом и кнутом. Так было, когда смешал он кровь галилеян, возбуждавших народ к мятежу против идолов, с кровью жертв. Так было, когда захотел Пилат устроить в Иерусалиме водопровод, для чего употребил священный клад, называемый Карван. И было тогда большое возмущение в народе. Пилат же велел бить их кнутами. И многие были забиты тогда, многие же растоптаны.

И вот, переглянулись первосвященники. И потемнели глаза Каиафы, и надломилась бровь.

– Как ты предашь Его? – спросил он.

Но я повторил то, что уже сказал ему:

– Я могу указать вам время, когда Иисус Назарянин, Которого вы ищите, будет один, и вы сможете взять Его.

Кивнул слуге Каиафа, и тот подал мне кошелек. Я же, не считая монеты, торопился спрятать его.

- Скажешь о том заранее, - были последние слова первосвященника.

Он удалился, и остальные ушли за ним. Поспешил я в Вифанию. В дом Марфы, Марии и Лазаря. И вот, когда выходил я из храма, кошка бросилась мне под ноги, ворон изгадил одежду, ветер швырнул песком в лицо. Пересчитал я монеты, бывшие в кошельке. Ровно тридцать сиклей - цену раба, цену блудницы - отмерили мне первосвященники иудейские.

XI

На другой день сказал Он Петру и Иоанну:

- Приготовьте нам есть пасху...

И пошли в Верхний город в дом Марка, ученика из семидесяти, и там приготовили пасху. Когда возлегли и стали есть, сказал Он:

- Один из вас предаст Меня...

И все, сколько их было в комнате, притихли и стали переглядываться между собой. И страх прошёл между ними, обдав холодным дыханием. Я же не поднимал глаз. Когда по одному стали с робостью спрашивать Его: «Не я ли, Равви?..», и боялись услышать ответ, возвёл я глаза и увидел, что со скорбью смотрит Он на меня. И чтобы не выдать себя перед остальными, спросил и я:

- Не я ли, Равви?.. - и снова потупил глаза.

И услышал в ответ:

- Ты сказал...

Иоанн, сидевший рядом с Ним, опустил голову на грудь Ему. Благословил и преломил Он хлеб и, обмакнув кусок в поливу, подал мне. Упали с куска капли и омочили - но показалось мне, ожгли - мои руки. И, взглянув, убедился, что как бы капли крови остались на руках моих. Тогда, испугавшись, вскочил и, уронив кусок, вышел вон. Вслед же услышал:

- Что делаешь, делай скорее...

Выскользнул я из дома и побежал к Храмовой горе. Выйдя из Верхнего города, перешёл по мосту над долиной Терапион и оказался у храма. Был праздник, и все храмовые ворота были распахнуты.

Когда же был ещё в Верхнем городе, в какой-то узенькой, кривоколенной улочке, затенённой перекинутыми от дома к дому арками, привязалась ко мне собачонка. Мелкая, покрытая клочьями бесцветной шерсти. Привязалась и бежала за мной, пытаюсь укусь за ногу.

- Пошла!.. Пошла, проклятая!.. - топал я на неё и раз даже бросил камнем.

Но она, исчезая, появлялась вновь. Тогда навалилась на меня тоска, и знал я, что виной тому собачонка.

И только у дворца Ирода Великого, где задержался я на краткий миг, исчезла куца, бесцветная собачонка со свалывшейся шерстью. Дворец, окружённый террасами садов,

невиданных в Иерусалиме, помещался на возвышении. От коллонады, разбивавшей дворец на два крыла, летела вниз мраморная лестница, блестящая белизной, испускавшая в лунном свете слабое свечение, похожее на поднимающийся туман. Доносились до меня людские голоса и лепет воды, игравшей в фонтанах.

Слышал не раз я о богатствах, хранимых во дворце. О мозаичных полах и колоннах из розового порфира, о бронзовых светильниках и шёлковых коврах, пестреющих узорами, о медных статуях и резных башнях для ручных голубей... Но лишь остановился я против левого крыла дворца, как собачонка, возникшая вдруг, впилась мне в ногу. Отбросив её с проклятьями, побежал я вдоль стены, ограждавшей дворец и террасы садов, и на площади перед коллонадой и мраморной лестницей, повернул направо к храму.

И вот остался позади дворец Ирода Великого, и даже Гиппикова башня, самая северная из трёх башен дворца, оказалась у меня за спиной. Впереди прямо передо мной светилась матово в лунных лучах белая глыба храма.

XII

– Кого я поцелую, Тот и есть, – так говорил я Каиафе и первосвященникам иудейским. Потому что поцелуем приветствовали мы друг друга. Должен был указать я на Него в темноте, но сказать явно: «Вот Этот... Возьмите Его...», – я не мог. Явным для меня самого стало бы предательство моё. Хотел я оторваться от Него, но не хотел грешить против Закона нашего и не хотел делаться дурным человеком. И я обманывал себя, когда надеялся, что поцелуй скрасит уродство и смочит грязь. И что никто – даже я сам – не подумает, будто предал я, и не укажет на меня как на сына погибели.

Тотчас послали в замок Антонию, и римская спира (7), бывшая в распоряжении первосвященника, прибыла во главе с трибуном к храму. Ещё не показались солдаты, но дрогнула земля от мерного, частого шага множества ног. Вышел на двор язычников Каиафа и, махнув мне платком, – а я был в стороне и читал надпись на греческом языке – велел подойти ближе. Подошёл я, и, указав на меня, сказал Каиафа:

– Кого он поцелует, Тот и есть. Возьмите Его и связанным доставьте к дому первосвященника Анны.

Собралась большая толпа и, желая угодить первосвященникам и разгорячая себя, вооружились кольями, хотя знали, что не на разбойника идут, и нет у Него никакого оружия, кроме Слова. И так: римская спира с трибуном во главе, следом же толпа, среди которой были слуги первосвященнические, начальники храма и старейшины народные – двинулись к долине Кедрон, к горе Елеонской. Я же шёл впереди всех.

Знал я, что будет Он в Гефсимании, потому что не раз имели ночлег там, среди маслин и смоковниц или же в гроте, бывшем некогда масличной давяльней. Перейдя ручей, вошли в сад, и увидели Его, идущим навстречу. Обрадовался я, но, вспомнив о толпе, ужаснулся и не хотел, чтобы думали, что это я привёл их. Обогнав толпу, приблизился к Нему и коснулся губами своими щеки Его. Щека была холодна и влажна, а на губах моих остался вкус соли. И, чтобы не молчать, сказал я тихо:

– Радуйся, Равви...

И Он, глядя на меня с сожалением, отвечал мне так же тихо:

– Друг, для чего ты пришёл?..

И повели Его к дому Анны, чтобы предать для начала суду малого синедриона. Но как, по

Закону нашему, синедрион не мог собираться после заката, но только с рассветом, хотели держать Его до рассвета под стражей. Дом же Анны стоял на южном подоле Сиона, потому повели Его мимо диковинного памятника Авессаломова к южным воротам. И когда обогнули городскую стену, некто Симон, слуга Каиафы, и многие следом за ним хотели войти в город через Гнойные ворота. Предлагали же ради поругания и осмеяния Его, Симон же – чтобы угодить господину своему. Ибо Гнойные ворота служили для удаления из города нечистот. Другие хотели идти дальше, к воротам Ессеев, которые приходились напротив дома Анны. И была между ними распря.

Но римский трибун, выслушав их, приказал идти к воротам Ессеев, потому что этот путь был кратчайшим.

И повиновались.

XIII

Пришли к дому первосвященника Анны. Вышел Анна и, как не имел повода к обвинению, спросил Его:

– Чему же Ты учишь в синагогах и на стогнах?.. Кто ученики Твои?..

Он же отвечал:

– Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им...

Тогда выскочил из толпы Симон, слуга Каиафов, и ударил Его со словами:

– Так отвечаешь Ты первосвященнику?

Но Он сказал только:

– Если Я отвечал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьёшь Меня?

Сказал же так, потому что Закон наш запрещал бить судимого.

Анна, не имея ни свидетелей, ни обвинителей, а, потому, не желая продолжать допрос, отправил Его к Каиафе. Дом же Каиафы был недалеко от дома Анны. И пошли всей толпой туда.

От Гефсимании следовали в отдалении за толпой Пётр и Иоанн. Другие ученики разбежались. Во дворе первосвященника Анны Пётр присел к костру и грелся со слугами. Когда все пошли к первосвященнику Каиафе, я не видел Петра.

Иоанн же, придя во двор к Каиафе, поднялся с толпой наверх, в покои, где заседал великий синедрион. Поднялся и я со свидетелями и обвинителями, которые нашлись во множестве. И, встав у входа так, чтобы не встречаться глазами с Иоанном, смотрел и слушал, как судят Его. Был же я уверен тогда, что отложат суд до рассвета, потому что была четвёртая стража ночи. Знал я, что большого зла не причинят Ему, потому что ничего, достойного смерти, Он не сделал. Но, наказав, вышлют Его в Галилею, туда, где был Он рождён и где плотничал прежде. Чтобы никто уже не смущался учением Его.

На низких диванах расселись полукружием члены синедриона в чёрных тогах и белых таллифах, в центре же сел Каиафа. Пришли два сонных писца с пергаменами и сели внутрь полукружия, одесную – писец защиты, ошуюю – обвинения.

Привели Его и поставили перед синедрионом. Тогда поднялся Каиафа и сказал:

– Не будьте несведущи, что погубляющий одну душу из среды Израиля, признаётся погубляющим весь мир; спасающим душу – спасающим весь мир. Кровь ложно обвиняемого до конца века вменится лжесвидетелю, но и на того, кто утаивает, ложится бремя ответственности. Посему приидите и покажите, что вы истинно знаете о Человеке сем...

И вот, пришли люди и стали по одному свидетельствовать. Кто-то сказал:

– Человек этот ворожбою исцелял болезни...

Другой же сказал:

– Он предлагал нам есть плоть свою...

Третий сказал:

– Он призывал не платить подать кесарю...

Я же недоумевал, что такое говорят они? Потому что были это пустые слова. И не было двух свидетелей, повторивших одно свидетельство, как требовал Закон наш. Но вот вышел один старик и сказал:

– Он говорил: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его...

Я же дивился, потому что не слышал от Него таких слов.

Привели следом Елеазара – дрессировщика голубей с Дамасской улицы в Нижнем городе – и подтвердил он:

– Слышал я, как три года назад в храме на празднике Пасхи, Человек сей говорил: «Разрушу храм сей рукотворенный и через три дня воздвигну другой нерукотворенный».

И многие тогда вскочили и стали кричать:

– Что ещё нам нужно? Вот хула на святое место и Закон!..

Но дал им знак Каиафа, и успокоились, и расселись по своим местам. И стали тогда испытывать свидетелей, что свидетельствуют об одном.

Снова сказал старик: «Разрушьте храм сей...» Елеазар же сказал: «Разрушу храм сей...»

Стали совещаться и совещались долго. Хмурили брови, качали головами и признали, наконец, что свидетельство недостаточно, потому что было у свидетелей разногласие.

Все замолчали и не знали, в чём обвинить Его. Тогда вышел вперёд Каиафа и, пройдясь перед Ним, остановился вдруг и спросил:

– Что же Ты ничего не отвечаешь? Что они против тебя свидетельствуют?

Он же молчал.

Каиафа возгласил:

- Всем свидетелям удалиться из зала! Притворить плотно двери и не пускать никого!

И вот отступила толпа, многие спустились на двор. И стали ждать, чем закончится суд.

XIV

Распахнулись двери, и вышел Каиафа. И вид его был как бы в лихорадке: глаза блестели как дорогие камни, и щёки пламенели. И тога его была разорвана от ворота до пояса. Был же у иудеев обычай рвать на себе одежду, когда слышали они хулу на Бога Израилева. За хулу же побивали виновного камнями. И понял я: вырвали у Него хулу и постановили предать Его смерти.

И увели Его связанным. Я же остался стоять, потому что вдруг точно бес оставил меня, и горячка отошла прочь – увидел я дела свои, и страх объял меня. И понял я, что не могу больше быть ни с Ним, ни с иудеями.

Вернулся в разорванной тоге Каиафа, который выходил куда-то. И я прошёл за ним в покои, где дожидались его другие члены синедриона. Он же, завидев меня, удивился и говорил так:

- Чего же ты ждёшь? Ступай в дом свой есть опресноки и агнца с горькими травами...

Я же, разглядывая, как чёрный блестящий волос курчавится на груди его, спросил:

- Разве Закон наш позволяет брать под стражу без жалобы свидетелей?

- Разве это твоё дело думать о Законе? Разве ты книжник?.. Или, может быть, первосвященник?.. Ам-хаарец!..

И, переглянувшись с первосвященниками, стали смеяться.

- Ступай себе!..

Махнул лениво рукой Каиафа, и в рубин на его пальце упал луч от светильника. И кровавая змейка, вспыхнув где-то внутри камня, на мгновение рассекла его ломаной диагональю. Но исчезла, и камень потух, и снова сделался чёрным.

- Вы привели в свидетели Елеазара, когда все знают, что он дрессирует голубей...

Думал я, что он велит выгнать меня, но он повернулся и слушал меня со вниманием.

- Разве могли вы собирать синедрион ночью?

Тогда усмехнулся Каиафа:

- Не Он ли учил: не человек для субботы?..

Я же сказал:

- Разве и ты ученик Его?

Послышались слова возмущения от первосвященников и старейшин, и ликтор, бывший рядом, шагнул в мою сторону. Но Каиафа, сделав ему жест оставаться на месте, сказал:

- Так ли уж важен Закон, когда весь народ может погибнуть?

Воскликнул я:

– О народе ли иудейском печёшься ты, первосвященник? А может, просто боишься потерять, что имеешь?..

Но он тихо спросил меня:

– А ты? Не потому ли и ты предал нам Его?

Тогда достал я кошелёк и, глядя себе под ноги на розовый мозаичный пол, сказал:

– Согрешил я, предав кровь невинную...

Но он молчал. Когда поднял я на него глаза, увидел, что был он весел. Смех играл в глазах его и дёргал за уголки губ. И, оскалив зубы, сказал Каиафа:

– Что нам до того?.. Смотри сам...

Тогда швырнул я кошелёк ему под ноги и бросился вон. Вслед мне полетел его смех – смех победителя, не знающего пощады и жалости.

XV

Выйдя от Каиафы, заметался я, потому что не знал, куда идти теперь. И бежав через весь город, оказался у Овечьих ворот. Перейдя Кедрон, поднялся на гору Скопус. Было утро, и слышал я, как левиты в храме вострубили троекратно в серебряные трубы. Тогда вспомнил я о покрывале, которое покупал для Есфири и которое всегда носил с собой. Бросил я теперь в пыль его и стал топтать, точно хотел втоптать в землю. И гиацинт из голубого сделался грязно-серым, а шарлах – бурым. Тогда схватил я край ткани и рванул у себя из-под ног. И тончайшее покрывало, сотканное из гиацинта, шарлаха и пурпура – нежное, как утренняя заря, тонкое, как лепестки цветов – разодралось надвое. Я же, разбросав куски, сел на землю и, размазав по лицу солёную влагу, стал смотреть на Иерусалим, на купол храма, окованный золотом, поднимающийся над серым городом, как цветок над гноищем.

И вот, когда полетели над Иерусалимом слова *«Jesum Nazarenum, subversorem gentis, contemptorem Caesaris et falsum Messiam, ut majorum suae gentis testimonio probatum est, ducite ad communis supplicii locum et cum ludibrio regiae Majestatis in medio duorum latronum cruci affigite...»* (8), увидел я на отвесном краю дерево засохшее, смоковницу бесплодную, уцепившуюся корнями за камни, ветви же голые простёршую над обрывом. И, подойдя, снял с себя пояс, накинул конец его на сук. Сделав же петлю, возложил на выю себе и шагнул с обрыва. Но ветвь преломилась, и тело, не успев расстаться с душою, сверзилось вниз. И острые камни распорили чрево, и внутренности исторглись. Ехидна обвила руку и пронзила кожу ядовитым зубом. Скорпион укусил ногу...

И увидел я, что Иудой началось царство Закона иудейского, Иудой же перестало быть. В то самое время, как заклали иудеи пасхального агнца, приносимого ими в жертву каждый год в память об исходе всего народа еврейского из плена египетского, заклал Лонгин Агнца Новой Пасхи. И в тот же час завеса в храме разодралась, и опустел храм иудейский, ибо Тайна покинула его.

И увидел я, что время и пространство отпали как скорлупа ореха, как короста проказы. И сила желаний, что недавно двигали мною, растаяла вдруг, и желания разлетелись, оставив меня лёгким и свободным, внушая если не самый восторг, то предвкушение восторга.

Но, длившись недолго, исчезло...

Возопил я тогда:

– Мог ли я не предать?

И как бы голос отвечал мне:

– Ты был свободен...

– Но Ты не печалился обо мне!

– Ты не пришёл ко Мне...

– Но я раскаялся...

– Ты не пришёл ко Мне...

И вот, судьба моя незавидна, участь моя постыла. От тех дней со мной покрывало, что купил я своей невесте. Но гиацинт так и остался серым, шарлах же – бурым...

Примечания

(1) Кидар – головное священное украшение Иудейского первосвященника, в виде чалмы, из виссона (тонкого, чистого белого полотна), которым обвивалась голова. На передней стороне его посредством голубого шнура прикреплялась золотая дощечка с надписью: Святыня Господу (Исх.28:4, 36-38). Служил знаком чистоты, чести и достоинства. Нельзя определенно сказать, какая была первоначальная форма кидара; по мнению одних, он делался на подобие тиары, а по другим – составлял просто головную повязку.

(2) Кетонет – мужское платье израильтян, просторная туника с широким поясом, ниспадающая почти до земли. То же, что хитон.

(3) Месит (арам.) – совратитель, лжеучитель, обманщик.

(4) Ам-хаарец (евр.) – народ земли. Презрительная кличка, означавшая «мужлан», «деревенщина». Так книжники называли простых людей, не ревностных в вере и плохо разбиравшихся в Законе.

(5) Таллиф – особый продолговатый плат, надеваемый на плечи.

(6) Симла – плащ из грубой шерсти, служивший подстилкой на ночь.

(7) Спира – когорта, 1/10 часть легиона. В спире насчитывалось 500–600 человек.

(8) Иисуса Назарянина, врага народа, презрителя Цезаря и ложного Мессию, как показано свидетельством старейшин его народа, ведите на место общей казни и при осмеянии царского величия среди двух разбойников распните (лат.)

Изображение: Н.Н. Ге (1831 - 1894). "Совесть. Иуда."

